

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 4. С. 95–105.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 95–105.

Научная статья
УДК [325.3:911.3:323.2:39](71)(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V534

Детерриторизация коренных народов Канады: трансформация этнокультурного ландшафта и идентичности

Ирина Анатольевна Казнина

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
i.kaznina@narfu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8659-9537>

Аннотация. В статье представлен социально-философский анализ детерриторизации коренных народов Канады в географическом и социокультурном плане. Рассматривается процесс вынужденного переселения аборигенных народов и их насильственной ассимиляции, осуществлявшийся канадским правительством на протяжении колониального периода. Анализируя государственную политику Канады в рамках конструктивистских теорий, исследователь показывает, что колониальная политика основывалась на идеологическом противопоставлении «цивилизованного» европейского общества «диким» коренным народам, и демонстрирует, как категории «нецивилизованные», «отсталые народы», «нестатусные индейцы» использовались властями для репрезентации коренных народов с целью обоснования лишения их прав на традиционные территории. В результате анализа выявлено, что детерриторизация коренных народов Канады представляла собой комплексный процесс, реализованный через систему взаимосвязанных инструментов. Ключевым из них был «Закон об индейцах» (1876), который юридически закрепил деление представителей коренных народов на «статусных» и «нестатусных», установил пространственные границы посредством резерваций, лишил аборигенные народы права собственности на исконные земли. В социокультурном плане данный закон был направлен на разрушение этнокультурных ландшафтов и идентичности. Важным средством детерриторизации стала также система школ-интернатов, разорвавшая духовную связь детей с родными местами и традиционным образом жизни, а также межпоколенческую преемственность. Рекартографирование на основе доктрины «terra nullius» представило исконные земли аборигенных народов «ничьими», исключив аборигенность из ландшафта страны. Индустриальное освоение территорий привело к деградации среды обитания, вынужденному переселению аборигенных общин и разрыву процессуальной связи коренных народов с их землями. В статье обосновывается, что глубинной целью детерриторизации являлось не только физическое переселение коренных жителей и лишение их прав на традиционные территории, но и изменение аборигенного культурного ландшафта и рекодификация этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: коренные народы Канады, детерриторизация, колониальная политика, традиционные территории, этнокультурная идентичность, этнокультурный ландшафт

Казнина И.А.

Детерриторизация коренных народов Канады: трансформация этнокультурного ландшафта и идентичности

Для цитирования: Казнина И.А. Детерриторизация коренных народов Канады: трансформация этнокультурного ландшафта и идентичности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 4. С. 95–105. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V534>

Original article

Deterritorialisation of Indigenous Peoples in Canada: Transformation of the Ethnocultural Landscape and Identity

Irina A. Kaznina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
i.kaznina@narfu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8659-9537>

Abstract. The article represents a socio-philosophical analysis of the process of deterritorialisation of indigenous peoples in Canada, in both geographical and socio-cultural terms. It examines the process of forced resettlement and assimilation of aboriginal peoples implemented by the Canadian state throughout the colonial period. Analyzing Canada's state policy within the framework of constructivist theories, the researcher demonstrates that the colonial policy was based on the ideological opposition of "civilized" European society to "savage" indigenous peoples. The study shows how the categories of "uncivilized", "backward peoples", and "non-status Indians" were used by the authorities to represent the indigenous peoples in order to justify the denial of their rights to traditional territories. The analysis reveals that the deterritorialisation of the indigenous peoples of Canada was a comprehensive process implemented through a system of interconnected instruments. The key instrument was the Indian Act of 1876, which legally established the categorisation of the indigenous population into "status" and "non-status", limited their spatial boundaries through the reservation system, and deprived the aboriginal peoples of the right to their ancestral lands. In socio-cultural terms, this act was aimed at erasing the ethnocultural landscape and identity. Another crucial means of deterritorialisation was the residential school system, which severed the children's spiritual connection to their native places and traditional way of life and disrupted intergenerational continuity. Re-mapping based on the doctrine of "terra nullius" presented the ancestral lands of aboriginal peoples as "no one's lands", thereby erasing indigeneity from the country's landscape. The industrial development of territories led to the degradation of the environment, the forced relocation of aboriginal communities, and the rupture of the procedural bond between the indigenous peoples and their lands. The article substantiates that the underlying goal of deterritorialisation was not merely the physical displacement of the indigenous peoples and the deprivation of their rights to traditional territories, but also the transformation of the aboriginal cultural landscape and the recodification of their ethnocultural identity.

Keywords: *indigenous peoples of Canada, deterritorialisation, colonial policy, traditional territories, ethnocultural identity, ethnocultural landscape*

For citation: Kaznina I.A. Deterritorialisation of Indigenous Peoples in Canada: Transformation of the Ethnocultural Landscape and Identity. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 4, pp. 95–105. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V534>

Введение. В условиях, когда Арктический регион представляет большую экономическую ценность, вопрос о поиске баланса между получением экономической выгоды и сохранением этнокультурного разнообразия коренных народов, чья идентичность тесно связана с окружающей средой, встает все более остро. Исторически коренные народы Арктического региона сталкивались с политикой ассимиляции, переселения, лишения прав на традиционные территории и самоопределение. В Канаде, стране с колониальным прошлым, продолжают судебные разбирательства и политические процессы по самоопределению, автономии и доступу к ресурсам коренных народов. При этом вопросы перераспределения земель и ресурсов сопряжены с исторической ответственностью канадского государства, которое проводило политику детерриторизации и ассимиляции коренных народов. В академическом и политическом дискурсах выдвигаются идеи восстановления и возвращения прав землепользования коренным народам и ведется обсуждение механизмов и целей включения их в процесс освоения северных территорий.

В российской научной литературе рассматриваются правовой и политический статусы коренных народов Канады. Существуют исследования, посвященные правовым основам защиты земельных и природоресурсных прав коренных народов, их прав на самоопределение, культуру и язык (А.С. Донецкая [1], О.И. Пименова [2] и др.). Л.А. Барабанская и А.Н. Слепцов [3] изучали законодательство и правоприменительную практику, относящиеся к решению проблемы согласования прав коренных народов с экономическим развитием арктических территорий Канады. Также анализируются взаимоотношения канадского государства и коренных народов, политика в отношении аборигенных народов и политическая активность самих коренных народов на национальном и международном уровнях (Н.А. Топунов [4], Д.Д. Максимова, В.И. Соколов [5], В.И. Юдин [6] и др.). В основном исследования сосредото-

чены на политико-правовых аспектах взаимодействия коренных народов и государства, при этом в отечественной науке существует небольшое количество трудов, посвященных социально-философскому осмыслению канадской политики в отношении коренных народов и процесса детерриторизации, что определяет актуальность данной статьи. В работах российских авторов концепция детерриторизации используется в основном для анализа глобализации социального пространства и изменения социокультурных паттернов (П.Н. Ваневская [7], В.В. Волченко [8]). М.С. Куропятник изучала связь детерриторизированных сообществ со своей территорией [9, с. 143]. А.Н. Соловьева выявила философско-методологические основания для анализа механизмов репрезентации этнокультурных пространств в контексте процессов детерриторизации [10]. Вопросами изучения взаимосвязи этноса и территории, этнотерриториальности и детерриторизации занимался Н.А. Беркович [11].

Целью данного исследования является социально-философское осмысление процесса детерриторизации коренных народов Канады. Проведение такого анализа необходимо для дальнейшего критического изучения современного постколониального диалога коренных народов и канадского государства в рамках концепций примирения, где сталкиваются государственная политика, философские идеи и критика со стороны коренных народов. Методологическая значимость представленной работы заключается в том, что она демонстрирует, как философская концепция детерриторизации может быть использована для анализа конкретной государственной политики в междисциплинарном контексте. Практическая значимость исследования обусловлена тем, что оно может послужить базой для разработки и корректировки государственной политики в отношении коренных народов не только в Канаде, но и других арктических странах со схожим опытом, в то время как для России – базой для сравнения канадской и российской политик в отношении северных коренных народов.

Методология и теоретические рамки.

Данная работа основана на концепции детерриторизации, представленной французскими философами Ж. Делезом и Ф. Гваттари [12]. В рамках их постструктуралистского теоретического подхода детерриторизация представляет собой процесс утраты связи с территорией как в географическом, так и социальном, культурном и экономическом смысле. Используя данный подход, автор рассматривает детерриторизацию коренных народов Канады как процесс вынужденного покидания ими традиционных территорий (переселение в резервации и на нетрадиционные земли) и как процесс детерриторизации этнокультурной идентичности, когда аборигенные народы переселяются, ассимилируются, а их традиции, языки, обычаи и практики теряют жесткую привязку к месту происхождения.

В данной работе применяется метод анализа научных трудов, в основном зарубежных ученых (Д. Сибли, Э. Ниemi, Б. Неицманн, Н. Бломли, С. Ди Лиув, К. Хэррис, Д. Браун и др.). Автор опирается на исследования, посвященные вопросам отчуждения прав на земли, самоуправления, а также колониальной политики в отношении коренных народов Канады, в частности Британской Колумбии [13–19]. Также был проведен ретроспективный анализ исторических фактов, чтобы выявить, как концепция детерриторизации была реализована на практике в Канаде, какие для этого использовались методы и инструменты и как это отразилось на этнокультурной идентичности коренных народов.

Для проведения социально-философского анализа политики детерриторизации в Канаде в представленном исследовании используется конструктивистский теоретический подход (Б. Андерсон [20], В.А. Тишков [21], Л. Гаски [22] и др.). Согласно ему, этносы и нации являются интеллектуальными конструкциями, созданными политиками и учеными для определенных целей. Как аргументирует Л. Гаски,

идентичность конструируется, представляется, «предписывается, принимается или отторгается в дискурсах» [22, с. 223]. Дискурсы об идентичности также основываются на контрастировании, разделении между «нами» и «ними», создают дихотомии и производят определенные категории. Э. Ниemi полагает, что власть базируется на категоризации коллективных идентичностей, что используется для реализации определенной политики и построения иерархий между группами [14, с. 397]. Данная теоретическая рамка нужна для того, чтобы проанализировать, как различные категории и целенаправленное изменение коллективных пространственных идентичностей применялись канадскими властями с целью вытеснения коренных народов с традиционных территорий и лишения их прав на земли.

В представленной работе идентичность коренных народов рассматривается не только как политическая конструкция, но и как объективная данность в рамках примордиалистского подхода. Пространственное измерение идентичности коренных народов представляется в рамках подходов, предложенных такими учеными, как Н.М. Теребихин [23], Б. Форбс, Б. Штаммлер [24] и др. Согласно этим исследователям, идентичность коренных народов имеет коллективный процессуальный пространственный характер, который формируется в постоянном процессе взаимодействия с их исконными территориями во время осуществления традиционной деятельности и в тесном взаимодействии с другими членами данной культурной группы.

Результаты. В начале исследования необходимо пояснить терминологический аппарат, применяемый в отношении коренных народов Канады. В данной статье наряду с термином «коренные народы», принятым на международном уровне и в Канаде, используется такой термин, как «аборигенные народы», поскольку он представлен в официальном законодательстве этой страны (Конституционный акт (1982)¹), а

¹The Constitution Acts 1867 to 1982 // Government of Canada. 2026. August 6. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/Const/index.html> (дата обращения: 27.02.2026).

также многочисленных западных научных трудах. Термин «коренные народы» относится к трем группам: «первым нациям» (First Nations), т. е. индейцам, инуитам (жители арктических регионов) и метисам (потомки смешанных браков аборигенных народов и европейцев)².

Сами термины «коренные народы», «первые нации» или «аборигенные народы» несут в себе определенные коннотации и отражают отношения данных народов с властями, а также обуславливают обладание определенными правами, в т. ч. на территорию. В Канаде в ходе истории эти коннотации изменялись вместе с изменением политики в отношении коренных народов, что влияло на их взаимодействие с окружающей средой. Согласно Д. Сибли [13], взаимодействие между пространством и людьми представляет воспроизводство властных отношений. Различные группы, проживающие на территории одной страны, могут быть «как доминирующими, так и подчиненными в зависимости от того, как они категоризированы» [13, с. 5], и их принадлежность к определенным территориям может признаваться или отвергаться. Стратегии колониальных государств по отчуждению земель коренных народов основывались на допущении, что европейцы были «цивилизованными», в отличие от «диких» коренных народов [18, с. 170].

Д. Сибли полагает, что понимание социопро пространственного мира других ограничивается различиями в жизненном опыте, происхождении и взглядах [13]. Применяя этот подход, можно сказать, что европейское культурное происхождение играло важную роль в становлении и развитии колониальной политики Канады в отношении коренных народов, по-

скольку различия между западной культурой и культурой коренных народов не понимались и не признавались колониалистами. Более того, культура аборигенных народов и их традиционные виды деятельности рассматривались государством как «отсталые» и «нецивилизованные». Эта категоризация стала идеологической основой для лишения их прав на земли для того, чтобы в дальнейшем использовать таковые согласно западному мировоззрению «должным образом», экономически выгодно. Среди причин переселения коренных народов была не только экономическая выгода, но и необходимость государственного и национального строительства, что повлекло за собой ассимиляцию аборигенных народов [15, с. 232]. Для проведения данной политики использовались категории «отсталые и нецивилизованные», что придавало термину «аборигенные народы» негативную коннотацию и косвенно подкрепляло обоснование необходимости их детерриторизации в культурном и географическом смысле.

Детерриторизация в Канаде проводилась посредством разработки законодательства, направленного на лишение коренных народов прав владения традиционными территориями. Как отмечают Д. Дилэни, Р. Форд и Н. Бломли, «закон является инструментом изменения, доминирования и сопротивления» [25, с. 15]. Он имеет пространственное измерение и определяет четкие географические границы собственности [16, с. 94]. В 1876 году в Канаде был принят «Закон об индейцах»³, который преследовал две противоречащие друг другу цели. С одной стороны, он был призван защищать индейцев и их земли, что являлось формальной патерналистской целью, основанной на представлении об этом

²Indigenous Population Continues to Grow and Is Much Younger than the Non-Indigenous Population, Although the Pace of Growth Has Slowed // Government of Canada. 2022. September 21. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/220921/dq220921a-eng.htm> (дата обращения: 27.02.2026).

³Indian Act. 1985. // Government of Canada. 2026. August 6. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/i-5/Full-Text.html> (дата обращения: 25.02.2026).

народе как о «подопечных государства», нуждающихся в опеке и защите⁴. С другой стороны, закон использовался для осуществления контроля, ассимиляции и «цивилизации» индейских народов, что по сути было основной целью⁵. Для проведения такой политики закон провел категоризацию и определил, кто является индейцем. При этом он создал категории «статусные» и «нестатусные» индейцы, что привело к разделению семьи и общины⁶ и наделению особыми правами лишь части коренного населения.

Принятие «Закона об индейцах» лишило аборигенные народы прав на традиционные территории и очертило пространственные границы «первых наций», поскольку они были переселены в резервации⁷. Так, коренные народы кэрриер и секани, проживавшие в центральной северной части Британской Колумбии⁸, были переселены в резервации, а их традиционные земли отчуждены и выделены в пользование представителям некоренных народов [19, с. 36].

«Закон об индейцах» выступил инструментом изменения отношений аборигенных народов с их землями и средством установления доминирования европейцев над коренными народами Канады. По сути, он стал правовым инструментом изменения их идентичности, поскольку предусматривал добровольное или принудительное лишение юридического статуса «индеец» в обмен на получение прав

гражданина Канады⁹. Многие потеряли статус индейца из-за того, что начали работать врачами, юристами, священниками или получили высшее образование. Потеря юридического статуса означала, что представители коренных народов стали «достаточно цивилизованными» с точки зрения государства, что отражает иерархию, где культура коренных народов стоит ниже, чем культура европейских переселенцев. Однако для самих коренных народов потеря «индейского» статуса предполагала лишение земельных прав, прав на занятие традиционными видами деятельности, такими как охота, и физическое и культурное отдаление от дома и общины¹⁰, что влекло за собой необратимые изменения в их идентичности, имеющей пространственный и коллективный характер. Коренные народы были представлены как «нецивилизованные» в противовес «культурно развитым» европейцам. Целью введения такого контраста было создание гомогенной нации и лишение коренных народов коллективных прав на их традиционные территории и культуру.

Одним из средств, направленных на лишение аборигенных народов земель и трансформацию их идентичности, также было введение школ-интернатов. Данная система, действовавшая вплоть до 1990-х годов, представляла собой институт, предназначенный для коренного населения. «Закон об индейцах» предусматри-

⁴The Indian Act. // University of Saskatchewan. URL: <https://gladue.usask.ca/indianact> (дата обращения: 20.02.2026).

⁵Confederation. Wolf Lake First Nation. URL: <https://www.wolflakefirstnation.com/confederation> (дата обращения: 20.02.2026).

⁶Prosper P. Indian Act. 2025. June 19. URL: <https://sencanada.ca/en/senators/prosper-paul/interventions/666357/3?context=1#hid> (дата обращения: 25.02.2026).

⁷Legislation Concerning Canada's First Peoples. URL: https://web.archive.org/web/20211118194620/http://firstpeoplesofcanada.com/fp_treaties/john_fp33_indianact.html (дата обращения: 24.02.2026).

⁸Carrier Sekani Family Services. URL: <https://www.csfs.org/> (дата обращения: 20.02.2026).

⁹Crey K. Enfranchisement. URL: <https://indigenousfoundations.arts.ubc.ca/enfranchisement/> (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁰Charette J. Enfranchisement of First Nations peoples. URL: <https://thediscoverblog.com/tag/franchise-act/> (дата обращения: 28.03.2026).

вал принудительное изъятие детей из семей и направление их в школы-интернаты, чтобы уничтожить этнокультурную идентичность детей путем отделения их от семьи, сообщества, культуры, языка и традиций¹¹. Целью создания школ-интернатов были ассимиляция коренных народов и исключение аборигенности как из физического, так и культурного ландшафта страны [17, с. 352]. Реализация модели западного образования в этих школах должна была растворить аборигенную социальную структуру и разрушить связь воспитанников с землей [26, с. 23]. Разлучение детей с семьями и переезд в школы-интернаты привели к разрыву преемственности поколений, принятию европейской культуры и, как результат, отказу от традиционного образа жизни и экономики, основанной на тесном взаимодействии с исконными землями. При этом важно отметить, что культура коренных народов предполагает контакт с окружающей средой, а согласно аборигенному мировоззрению «человек и природа нераздельны» [26, с. 22]. Р. Свенцель отмечает, что школы-интернаты формировали мировоззрение, которое никак не было связано с ландшафтом и не касалось его духовности [26, с. 23]. Таким образом, колониальные власти использовали школы-интернаты для того, чтобы разорвать духовную связь между коренными народами и их землями.

Вытеснение коренных народов из культурного и географического ландшафта страны осуществлялось также через репрезентацию географического пространства посредством рекартографирования. Территории коренных народов просто не указывали на картах: в тех местах, где они живут, оставляли пустое белое пространство [27]. Непризнание того факта, что на этих землях живут представители аборигенных народов, было основано на доктрине «terra nullius», т. е. «ничейной земли»,

предполагавшей что у государств было право занимать данные территории. Это также означало, что государство, по сути, не признавало существование на данных землях коренных народов и ценность их уникальной культуры. Так, при помощи рекартографирования коренные народы были лишены прав на традиционные территории, а их этнокультурная идентичность нивелировалась.

Следующим фактором, способствующим детерриторизации, было отчуждение земель посредством использования их нетрадиционным и неустойчивым путем, что включало индустриализацию. Это приводило к деградации природных ресурсов, необходимых для поддержания и сохранения традиционной культуры и образа жизни коренных народов, и, как следствие, невозможности оставаться на данных землях. Государство изымало земли у коренных народов путем продажи таковых частным компаниям, как это было в Британской Колумбии, когда местные власти продали земли у залива Пендлтона лесозаготовительной компании и неаборигенным фермерам, что способствовало вытеснению коренных народов с их традиционных территорий и переселению в другие места. Другой пример отчуждения земель коренных народов – строительство гидроэлектростанции Кемано в Британской Колумбии и последующее наводнение, которое привело к вынужденному переселению племени чеслатта [19, с. 38], принадлежащего к коренному народу кэрриер. Реализация таких водных мегапроектов влечет не только потерю традиционных территорий, но и утрату чувства места, что очень важно для отдельной и групповой идентичности [28]. При этом следует отметить, что идентичность коренных народов имеет коллективный пространственный характер, который формируется в постоянном процессе взаимодействия с их землями во вре-

¹¹ Völl I.S. 2024 Op-ed for the Roger W. Smith Memorial Prize. 2024. URL: <https://zoryaninstitute.org/2024-op-ed-for-the-roger-w-smith-memorial-prize/> (дата обращения: 28.03.2026).

мя осуществления традиционной деятельности и в тесной связи с другими членами культурной группы. Как следствие, вытеснение с традиционных территорий, разрыв с землями лишает аборигенные народы основы существования и воспроизводства этнокультурной идентичности, что приводит к ее утрате. Несмотря на окончание колониальной политики, продолжающееся индустриальное освоение северных территорий и их экономическое развитие по-прежнему меняют этнокультурный ландшафт и несут угрозу для коренных народов.

Заключение. Проведенный анализ позволил выявить, что детерриторизация коренных народов Канады происходила на разных уровнях. С одной стороны, она представляла собой процесс физической утраты традиционных земель коренными народами, когда они ограничивались пространственно и переселялись в резервации либо были вынуждены переместиться на новые территории. В результате этого процесса аборигенные народы теряли материальную основу воспроизводства своей этнокультурной идентичности, которая носит процессуальный характер и реализуется посредством ведения традиционных практик на исконных территориях, имеющих не только материальный, но и духовный смысл. С другой стороны, в культурном плане детерриторизация влекла ассимиляцию коренных народов, частичную утрату их языков, культурных знаний, практик и традиций, разрушение общинных связей и связи с землей.

Государственная политика Канады, основанная на колониальной идеологии, посредством лишения территорий исключала коренные народы, их культуру и этничность из географического и социокультурного ландшафта страны. Детерриторизация подкреплялась определением коренного населения как «отсталого» и «нецивилизованного» в противовес «цивилизованному» и «развитому» пришельцам, что стало обоснованием необходимости переселения и насильственной ассимиляции аборигенных народов. Такое разделение служило

легитимации вытеснения их с традиционных территорий, а лишение коренных народов земель было идеологически оправдано через дихотомию «цивилизованное–дикое».

Реализация детерриторизации осуществлялась посредством законодательства, через установление пространственных границ резерваций и внедрение школ-интернатов, целями которых были разрушение духовной связи с землей и традиционной культурой, разрыв межпоколенческой преемственности и отказ от традиционного образа жизни и языка. Еще одним средством детерриторизации было рекартографирование и стирание традиционных территорий коренных народов с карт как в географическом, так и культурном смысле. Промышленное освоение территории также выступало фактором детерриторизации, что привело к деградации ресурсов и вынужденному переселению общин, чья идентичность носит процессуальный пространственный характер и поэтому напрямую зависит от доступа к традиционным землям.

Таким образом, детерриторизация коренных народов Канады представляла собой комплексный процесс, глубинной целью которого было не просто физическое перемещение людей, потеря коллективных прав на территории и ресурсы, а лишение их основы этнокультурной идентичности, неразрывно связанной с исконными землями. Канадское государство посредством институциональных, правовых и идеологических механизмов пыталось трансформировать коллективную, территориально укорененную идентичность аборигенных народов в индивидуализированную, основанную на западных европейских ценностях идентичность, что облегчало задачу национального строительства и открывало доступ к ресурсам, необходимым для экономического развития страны. Последствия этой политики, выражающиеся в угрозе утраты этнокультурной идентичности, продолжают оказывать влияние на современные отношения между коренными народами и государством, что требует дальнейшего осмысления в контексте поиска путей подлинного примирения.

Список литературы

1. *Донецкая А.С.* Правовые и институциональные основы самоуправления коренных народов Канады // Американистика на Дальнем Востоке. 2025. № 4(11). С. 83–90. https://doi.org/10.48344/27824152_2025_4_83
2. *Пименова О.И.* Природоресурсные права коренных народов и судебная практика их соблюдения в Канаде // Сравнит. конституц. обозрение. 2022. № 4(149). С. 89–109.
3. *Барабанская Л.А., Слепцов А.Н.* К вопросу защиты прав коренных народов при промышленном развитии арктических территорий России и Канады // Арктика XXI век. Гуманит. науки. 2021. № 4(26). С. 4–24.
4. *Топунов Н.А.* Политика примирения и сохранение исторической памяти коренных народов Канады // Россия и Америка в XXI веке. 2025. № 10. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760036903-0-1/> (дата обращения: 25.02.2026).
5. *Максимова Д.Д., Соколов В.И.* Коренные народы Канады: эволюция отношений с государством // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 12(492). С. 55–71.
6. *Юдин В.И.* Государственная политика стран Северной Европы, Соединенных Штатов Америки и Канады в отношении коренных малочисленных народов. М., 2012. 223 с.
7. *Ваневская П.Н.* Культурные аспекты глобализации: детерриторизация и символическая мобильность // Солидарность и конфликты в современном обществе: материалы науч. конф. СПб., 2018. С. 526–528.
8. *Волченко В.В.* Риски деятельности социальных субъектов в условиях детерриторизации глобального социального пространства // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6, № 6А. С. 76–81.
9. *Куропятник М.С.* Идентичность в контексте мобильности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 1. С. 143–148.
10. *Соловьева А.Н.* Детерриторизация социальных практик в контексте этнокультурных ландшафтов // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2009. № 5. С. 126–130.
11. *Беркович Н.А.* Этнотерриториальность и детерриторизация // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие: коллектив. моногр. по материалам IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб., 2020. С. 295–297.
12. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2010. 895 с.
13. *Sibley D.* Geographies of Exclusion: Society and Difference in the West. London, N. Y., 1995. 224 p.
14. *Niemi E.* National Minorities and Minority Policy in Norway: International Obligations and National Debates: Minorities around the Baltic Sea. Åland, 2006. P. 397–451.
15. *Nietschmann B.* The Fourth World: Nations Versus States // Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the Twenty-First Century / ed. by G.J. Demco, W.B. Wood. Boulder, 1994. P. 225–242.
16. *Blomley N.* The Boundaries of Property: Lessons from Beatrix Potter // Canad. Geographer. 2004. № 48(2). P. 91–100.
17. *de Leeuw S.* Intimate Colonialisms: the Material and Experienced Places of British Columbia's Residential Schools // Canad. Geographer. 2007. № 51(3). P. 339–359.
18. *Harris C.* How Did Colonialism Dispossess? Comments from an Edge of Empire // Ann. Assoc. Am. Geographers. 2004. Vol. 94, № 1. P. 165–182.
19. *Brown D.* Carrier Sekani Self-Government in Context: Land and Resources // Western Geography. 2002. № 12. P. 21–67.
20. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. 416 с.
21. *Тишков В.А.* О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головневу) // Этнография. 2023. № 1(19). С. 6–25.
22. *Gaski L.* Sami Identity as a Discursive Formation: Essentialism and Ambivalence // Indigenous Peoples. Self-determination, Knowledge, Identity. Delft, 2008. P. 219–236.
23. *Теребихин Н.М.* Этноэкологическая парадигма и традиционная аксиология геокультурного пространства российского Севера // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2011. № 9. С. 122–127.
24. *Forbes B.C., Stammler F.* Arctic Climate Change Discourse: the Contrasting Politics of Research Agendas in the West and Russia // Polar. Res. 2009. № 28. P. 28–42.
25. *Delaney D., Ford R., Blomley N.* The Legal Geographies Reader. Law, Power and Space. Oxford, 2001. 328 p.
26. *Swentzell R.* Conflicting Landscape Values: The Santa Clara Pueblo and Day School (Vision, Culture and Landscape) // Places J. 1990. Vol. 7, № 1. P. 19–27.

27. Eades G. Maps and Memes. Redrawing Culture, Place, and Identity in Indigenous Communities. Montreal, 2015. 264 p.

28. Windsor J.E., Mcvey J.A. Annihilation of Both Place and Sense of Place: The Experience of the Cheslatta T'En Canadian First Nation within the Context of Large-Scale Environmental Projects // *Geograph. J.* 2005. Vol. 171, № 2. P. 146–165.

References

1. Donetskaya A.S. Legal and Institutional Foundations of Indigenous Peoples' Self-government. *Amerikanistika na Dal'nem Vostoke*, 2025, no. 4, pp. 83–90 (in Russ.). https://doi.org/10.48344/27824152_2025_4_83
2. Pimenova O.I. Natural Resource Rights of Indigenous Peoples and Judicial Practice of Their Enforcement in Canada. *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye*, 2022, no. 4, pp. 89–109 (in Russ.).
3. Barabanskaya L.A., Sleptsov A.N. On the Protection of Indigenous Peoples' Rights during the Industrial Development of the Arctic Regions of Russia and Canada. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*, 2021, no. 4, pp. 4–24 (in Russ.).
4. Topunov N.A. Reconciliation Policy and Preservation of Historical Memory of Indigenous Peoples in Canada. *Rossiia i Amerika v XXI veke*, 2025, no. 10. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760036903-0-1/> (accessed: 25.02.2026) (in Russ.).
5. Maksimova D.D., Sokolov V.I. Indigenous Peoples of Canada: the Evolution of Relations with the State. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2010, no. 12, pp. 55–71 (in Russ.).
6. Yudin V.I. *State Policies Towards Indigenous Peoples in Nordic countries, the USA, and Canada*. Moscow, 2012. 223 p. (in Russ.).
7. Vanevskaya P.N. Cultural Aspects of Globalisation: Deterritorialisation and Symbolic Mobility. *Solidarnost' i konflikty v sovremennom obshchestve*, 2018, pp. 526–528 (in Russ.).
8. Volchenko V.V. Social Actors' Risks in a Deterritorialised Global Social Space. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 2017, vol. 6, no. 6A, pp. 76–81 (in Russ.).
9. Kuropyatnik M.S. Identity in the Context of Mobility. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2014, no. 1, pp. 143–148 (in Russ.).
10. Solov'yova A.N. Deterritorialisation of Social Practices in the Context of Ethnocultural Landscapes. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2009, no. 5, pp. 126–130 (in Russ.).
11. Berkovich N.A. Ethnoterritoriality and Deterritorialisation. *Natural and Cultural Heritage: Interdisciplinary Research, Conservation, and Development*. St. Petersburg, 2020, pp. 295–297 (in Russ.).
12. Deleuze G. Guattari F. *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg, 2010. 895 p. (in Russ.).
13. Sibley D. *Geographies of Exclusion: Society and Difference in the West*. London, N. Y., 1995. 224 p.
14. Niemi E. National Minorities and Minority Policy in Norway. *International Obligations and National debates: Minorities Around the Baltic Sea*. Åland, 2006, pp. 397–451.
15. Nietschmann B. The Fourth World: Nations Versus States. *Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the Twenty-First Century*. Boulder, 1994, pp. 225–242.
16. Blomley N. The Boundaries of Property: Lessons from Beatrix Potter. *Canad. Geographer*, 2004, no. 48, pp. 91–100.
17. De Leeuw S. Intimate Colonialisms: the Material and Experienced Places of British Columbia's Residential Schools. *Canad. Geographer*, 2007, no. 51, pp. 339–359.
18. Harris C. How Did Colonialism Dispospossess? Comments from an Edge of Empire. *Ann. Assoc. Am. Geographers*, 2004, vol. 94, no. 1, pp. 165–182.
19. Brown D. Carrier Sekani Self-Government in Context: Land and Resources. *Western Geography*, 2002, no. 12, pp. 21–67.
20. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow, 2016. 416 p. (in Russ.).
21. Tishkov V.A. On the Reconciliation of Constructivism and Primordialism (A Homage to Andrey Vladimirovich Golovnev). *Etnografiya*, 2023, no. 1, pp. 6–25 (in Russ.).
22. Gaski L. Sami Identity as a Discursive Formation: Essentialism and Ambivalence. *Indigenous Peoples. Self-determination, Knowledge, Identity*. Delft, 2008, pp. 219–236.
23. Terebikhin N.M. The Ethno-ecological Paradigm and Traditional Axiology of the Geocultural Space of the Russian North. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2011, no. 9, pp. 122–127 (in Russ.).

24. Forbes B.C., Stammmer F. Arctic Climate Change Discourse: the Contrasting Politics of Research Agendas in the West and Russia. *Polar. Res.*, 2009, no. 28, pp. 28–42.
25. Delaney D., Ford R., Blomley N. *The Legal Geographies Reader: Law, Power and Space*. Oxford, 2001. 328 p.
26. Swentzell R. Conflicting Landscape Values: The Santa Clara Pueblo and Day School (Vision, Culture and Landscape). *Places J.*, 1990, vol. 7, no. 1, pp. 19–27.
27. Eades G. *Maps and Memes. Redrawing Culture, Place, and Identity in Indigenous Communities*. Montreal, 2015. 264 p.
28. Windsor J.E., Mcvey J.A. Annihilation of Both Place and Sense of Place: The Experience of the Cheslatta T'En Canadian First Nation within the Context of Large-Scale Environmental Projects. *Geograph. J.*, 2005, vol. 171, no. 2, pp. 146–165.

Информация об авторе

И.А. Казнина – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

Information about the author

Irina A. Kaznina, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Department of Philosophy and Sociology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.

Поступила в редакцию 06.03.2025
 Одобрена после рецензирования 18.06.2026
 Принята к публикации 23.06.2026

Submitted 6 March 2025
 Approved after reviewing 18 June 2026
 Accepted for publication 23 June 2026